

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.35>

Пилатова Валентина Николаевна

МЫСЛЬ И ЧУВСТВО В МОНОЛОГИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

Статья посвящена вопросу сопряженности мысли и чувства. На примере эксплицитно выраженных монологических описаний процесса мышления вскрывается порождающий его механизм. Сделан вывод, что основой механизма мышления является чувство. Арсенал чувств отдельного человека во многом определяет ход его мыслей. Изучено временное и пространственное соотношение между чувством и мыслью, а также сенсуативная обусловленность глубокого и поверхностного характера мысли. Сделано замечание о том, что источником понимания мыслительных действий человека является распознавание его чувств.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 152-155. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-22

Дата поступления рукописи: 22.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.35>

Статья посвящена вопросу сопряжённости мысли и чувства. На примере эксплицитно выраженных монологических описаний процесса мышления вскрывается порождающий его механизм. Сделан вывод, что основой механизма мышления является чувство. Арсенал чувств отдельного человека во многом определяет ход его мыслей. Изучено временное и пространственное соотношение между чувством и мыслью, а также сенсуативная обусловленность глубокого и поверхностного характера мысли. Сделано замечание о том, что источником понимания мыслительных действий человека является распознавание его чувств.

Ключевые слова и фразы: сопряжённость мысли и чувства; порождающий механизм мышления; временное и пространственное соотношение между чувством и мыслью; сенсуативная обусловленность глубокого и поверхностного характера мысли; роль самобытности при возникновении чувств и формировании мыслей.

Пилатова Валентина Николаевна, к. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

pilatova_vn@mail.ru

МЫСЛЬ И ЧУВСТВО В МОНОЛОГИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

Мысль, прежде чем стать мыслью, была чувством.

Константин Сергеевич Станиславский

Лингвисты обращаются к проблеме соотношения между языком и мышлением, аспектам эмотивности речи. Однако вопрос сопряжённости мысли и чувства пока не находит широкого отражения в филологических трудах. Цель нашей работы – проверить истинность гипотезы о том, что импульсом активизации мыслительной деятельности человека является его чувство.

Для подтверждения или опровержения этой гипотезы мы обратились к фрагментам художественных текстов, в которых сформулирована мысль, а также к их контекстному окружению. Контекст включает описание чувств, сопутствующих появлению мысли. В фокус внимания попадают внутренние монологи, в которых ситуация появления мысли эксплицитно описана автором повествования. Вместе с тем наш выбор языкового материала не означает, что данная проблематика не может быть изучена на любых текстах, описывающих влияние чувств на появление мысли. Внутреннему монологу свойственна искренность самовыражения и рефлексия, поэтому он является наиболее удобным источником для изучения данной темы.

Слова «чувства» и «эмоции» для нас синонимы. Принято под эмоциями понимать кратковременные, меняющиеся переживания, а под чувствами – длительные, устойчивые. Проблема заключается в сложности и неоднозначности детерминации разнообразных переживаний, так как при их определении субъективная оценка обычно берёт верх. Эмоции и чувства, выраженные словами, лингвисты называют эмотивными высказываниями.

Окончательной классификации чувств не существует, да и едва ли она возможна из-за большого разнообразия переживаний. Чувства дифференцируют по временному параметру, по интенсивности, а также по виду жизнедеятельности, к которому они имеют отношение. Самым длительным эмоциональным состоянием, пожалуй, является настроение; самым коротким – состояние аффекта. Самым интенсивным следует назвать страсть; наименее интенсивным – чувство покоя. Низменным (тёмным) чувствам противостоят чувства высшие (светлые) – интеллектуальные, эстетические, нравственные.

Философы видят чувства как одну из форм отражения окружающего мира в человеке [6, с. 543]. Можно сказать иначе: своё отношение к окружающей действительности и к самому себе человек переживает эмоционально, или посредством чувств. При этом наши эмоции способны не только отражать элементы окружающей среды, но они способны и приписывать этим элементам потенциальные и субъективные признаки [7, с. 59]. Таким образом, чувства участвуют в созидании дискурсивных структур.

Реалии действительности у разных людей не обязательно вызывают одинаковые чувства. Арсенал и диапазон чувств отдельного человека отчасти обусловлен врождёнными особенностями, а отчасти социальной действительностью. Тем не менее любые эмоции так или иначе сказываются на нашей речи [5, с. 156].

Чувства движут поступками людей, определяют выбор, способствуют достижению цели как в повседневной практической деятельности, так и в познавательной. Однако они мотивируют не только социальное поведение и интеллектуальное развитие личности, но и совершенствование его сознания [3, с. 116]. Чувства также выполняют регулятивную функцию жизнедеятельности, указывая на степень соответствия вещей в жизни человека его интересам и мировоззренческим потребностям. Тем самым они являются сигналами уровня успешности и удовлетворённости.

Внутренний монолог включает несколько стадий, таких как: чувствование, продумывание, формулирование мысли. Потом наступает новый виток мыслительного движения. В. П. Гор отмечает способность текста манифестировать динамику образа героя через описание его дискурса. Динамика ментальности человека обычно соответствует изменениям, происходящим в окружающем его мире. Вместе с тем мыслительная

динамика может происходить без оглядки на окружающий мир, иногда она осуществляется лишь на базе субъективных представлений личности об этом мире [2, с. 13-14].

Неодушевлённые (мёртвые) вещи, присутствующие вокруг нас, легко познаваемы от начала до конца. Практическая заинтересованность – единственный мотив нашего обращения к ним. Гораздо труднее понять живые вещи – Божественное, индивидуальное, природу и все её явления. Условием успешного познания, по мнению М. М. Бахтина, является свободное самооткровение человека. Критерием успешности мысли будет не точность познания, а глубина проникновения. Познание-проникновение влечёт за собой диалогичность. Речь идёт о сочетании активности познающего и активности открывающегося ему [1, с. 7].

Диалогичность, познание-проникновение пронизаны эмоциями. Активность познающего и открывающегося состоит в наличии энергии, действительности. Источником энергии является эмоционально-чувственная сфера человеческого бытия. М. К. Мамардашвили определяет мысль как «действенное проявление какой-то интенсивности напряжения» [4, с. 258]. Иными словами, мысль – это ментальное действие, порождённое сильным чувством.

Проанализируем некоторые примеры.

Автор внутреннего монолога Кэти случайно встречает смешного человека с большим количеством воздушных шаров, которые он старательно удерживает в руке, чтобы те не оторвались. Каждый шар имеет форму лица. В связке они похожи на маленькое племя. Не имея возможности пойти другой дорогой, девушка вынуждена следовать за странной процессией, испытывая беспокойные чувства.

(1) *Sometimes I felt awkward about it... I kept worrying that one of the strings would come unravelled and a single balloon would sail off up into that cloudy sky* [8, p. 208-209]. / *Временами я чувствовала себя нелепо... Я постоянно волновалась, что какая-нибудь нить вдруг отвяжется и один шар улетит в это облачное небо* (здесь и далее перевод автора статьи. – В. П.).

Позже, всё ещё находясь под впечатлением увиденной сцены, Кэти размышляет о другом – о принятом властями решении закрыть Хэйлшем, школу-интернат, где росла и воспитывалась она и её друзья.

Lying awake that night... I kept seeing those balloons again. I thought about Hailsham closing... It definitely felt like Hailsham's going away had shifted everything around us [Ibidem, p. 209]. / *Той ночью, лёжа без сна... мне снова виделись эти шары. Я подумала о том, что закрывается Хэйлшем... Мне стало ясно, что закрытие Хэйлшема всё вокруг нас перевернуло.*

Шары, которые вот-вот отвяжутся и разлетятся, для Кэти становятся символом распада связей между друзьями детства. Это происходит благодаря сильному ощущению нестабильности, которое она испытывает, а также благодаря творческому характеру её личности. Пропущенные через её самобытность эмоции порождают аллегорический дискурс.

Чувства могут выступать в роли интенсификаторов хода мысли, ускоряя процесс принятия решений.

Кэти, сиделка реабилитационного центра, которая помогает восстанавливать здоровье донорам после операции, во время которой они жертвуют свои органы нуждающимся в них больным, беседует со своей одноклассницей Лорой. Та сообщает ей, что их подруга Руфь испытывает трудности с восстановлением здоровья после донорской операции, и призывает Кэти взять на себя профессиональные обязанности по уходу за ней. Оказалось, что Кэти знакома с этой ситуацией и даже размышляла на тему ухода за знакомой больной, но принять решение не могла.

(2) *What Laura said to me that day, about my becoming Ruth's carer, had such an impact on me... It was almost like a part of me had already made that decision, and Laura's words had simply pulled away a veil that had been covering it over* [Ibidem]. / *То, что мне в тот день сказала Лора, о том, что я должна стать сиделкой Руфь, произвело на меня такое впечатление... Как будто какая-то часть меня уже приняла это решение, и слова Лоры просто сбросили покрывавшую его вуаль.*

Давно испытываемое Кэти нравственное чувство долга и сострадания после этой беседы обретает новую силу, и её дискурс заканчивается принятием решения.

Однако отношения между Кэти и Руфь в новом качестве складываются не просто.

(3) *The sense of something not being right grew stronger and stronger* [Ibidem, p. 210]. / *Ощущение, что что-то не так, становилось всё сильнее и сильнее.*

Однажды Кэти опрометчиво вошла в палату в тот момент, когда Руфь принимала душ.

We all feel a bit vulnerable after a shower with just a towel on. Even so, the look of alarm that went across her face took me aback... She went on looking at me if not with fear, then with a real wariness [Ibidem, p. 211]. / *Мы все чувствуем себя немного незащищёнными, когда выходим после душа с одним лишь накинутым полотенцем. Тем не менее тревога, пробежавшая по её лицу, застала меня врасплох... Она продолжала смотреть на меня если не со страхом, то с большим опасением.*

Испытав смущение во время произошедшей сцены, Кэти скоро поймёт причину неожиданной реакции её подруги.

That incident gave us both a jolt. It made me realise Ruth didn't trust me [Ibidem]. / *Этот инцидент нам обоим дал толчок. Он заставил меня осознать, что Руфь не доверяет мне.*

Глубокое переживание нелепого происшествия влечёт за собой тонкое наблюдение. Вывод Кэти деструктивен, но правдив: нельзя быть сиделкой больной подруги, которая перестала ей доверять.

Однажды Кэти и Руфь решают навестить их близкого друга Томи и отправиться всем вместе в поездку на машине. Во время этой встречи у Кэти и Томи складывается конфликтная ситуация с Руфь, виновницей

недоразумения. Объединившись, Кэти и Томи ставят Руфь на место, а та беспомощно уступает им, даже не пытаясь оправдаться.

Во время прогулки Руфь неожиданно почувствовала себя так плохо, что с трудом могла дышать. Заметив это, Кэти и Томи мучаются угрызениями совести.

(4) *Tommy and I, we remembered what had happened in the car, when we'd more or less ganged up on her. And almost as an instinct, we both went to her. I took an arm, Tommy supported her elbow on the other side, and we began gently guiding her towards the fence* [Ibidem, p. 218]. / Мы с Томи вспомнили, что случилось в машине, как мы, объединившись, чуть ли не напали на неё. И почти инстинктивно мы оба направились к ней. Я взяла её за руку, Томи с другой стороны поддерживал за локоть, и мы медленно стали вести её к забору.

Всё обошлось на этот раз. Тщательно обдумав произошедшее, Кэти подводит итог своим смешанным чувствам.

And now with time to reflect, I realised why I was so bothered by what had happened in the car. It wasn't simply that we'd ganged up on Ruth: it was the way she'd just taken it. In the old days, it was inconceivable she'd have let something like that happen without striking back [Ibidem, p. 219]. / И теперь, когда у меня появилось время поразмышлять, я осознала, почему меня так беспокоит произошедшее в машине. Не только из-за того, что мы напали на Руфь: главное то, как она это приняла. В былые дни было немисливо, чтобы она позволила такому случиться без защиты и обороны.

Этот пример показывает, что эмоционально переживаемая ситуация может пролить свет на предшествующие обстоятельства.

Вышеприведённые примеры дают представление о долговременном и многогранном дискурсе героев произведения. Теперь обратимся к короткому размышлению, не обременённому сложными вопросами бытия.

Следуя по просёлочной дороге, водитель автомобиля Стивенс вынужден резко затормозить, чтобы не задавить курицу. Курица не замечает машину и не реагирует на сигнальный гудок, так как она не может перестать клевать найденные ею на дороге зёрна. Ставшая свидетелем картины хозяйка курицы спешит отблагодарить предупредительного водителя. Она зовёт его в дом, чтобы напоить чаем, расхваливает спасённую курицу, заводит разговор о том о сём. Стивенс польщён и тронут отзывчивой благодарностью хозяйки.

(5) *I must say, something about this small encounter had put me in very good spirits; the simple kindness I had been thanked for, and the simple kindness I had been offered in return, caused me somehow feel exceedingly uplifted* [9, p. 72-73]... / Должен сказать, нечто в этом маленьком случайном знакомстве привело меня в приподнятое настроение; простая доброта, за которую меня поблагодарили, и простая доброта, предложенная мне в ответ, вызвали во мне очень хорошее чувство...

Формулировка мысли у нашего героя складывается сразу после случившегося. Следует добавить, что не всякий водитель проявил бы подобную реакцию на инцидент с курицей. У некоторых он вызвал бы раздражение и желание поскорей уехать. Обобщение о добрых поступках Стивенсу удаётся сделать благодаря его благодушному нраву. Этот пример показывает, как чувство, накладываясь на самобытность отдельного человека, порождает соответствующий дискурс.

Приведём пример влияния эстетических чувств на формирование мысли. В своём внутреннем монологе герой предыдущего примера Стивенс, любуясь сельским пейзажем, описывает свои эмоции.

(6) *I distinctly felt that rare, yet unmistakable feeling – the feeling that one is in the presence greatness* [Ibidem, p. 29]. / Я отчётливо почувствовал то редкое, но безошибочное ощущение – ощущение того, что находишься в присутствии некоего величия.

Размышляя о величии природы Великобритании, Стивенс делает меткое наблюдение.

It is the very lack of obvious drama or spectacle that sets the beauty of our land apart. What is pertinent is the calmness of that beauty, its sense of restraint. It is as though the land knows of its own beauty, of its own greatness, and feels no need to shout it [Ibidem]. / Красоте нашей страны отличает явное отсутствие некоей драмы или театральности. Ей присуще спокойствие, сдержанность. Как будто земля знает о собственной красоте, о собственном величии и не считает нужным кричать об этом.

Знакомство с описанием эмоционального состояния Стивенса позволяет читателю прогнозировать формулировку его грядущей мысли.

Отсутствие чувств сопровождается отсутствием мысли. Покажем это на примере.

Дворецкий Стивенс очень занят обслуживанием высокопоставленных лиц во время их секретной встречи ночью. Вдруг в поместный дом лорда Дарлингтона, где проходит тайное совещание, является молодой журналист и по праву крёстного сына лорда остаётся на ночлег.

Журналисту важно узнать, присутствует ли на этой неофициальной встрече с Риббентропом премьер-министр Британского правительства. Для получения информации он пытается завести разговор со Стивенсом. Однако в ответ журналист слышит одно и то же.

(7) *It is not my place to be curious about such matters, sir* [Ibidem, p. 232]. / Мне не положено интересоваться такими вещами, сэр.

Журналист пускает в ход весь профессиональный арсенал, чтобы увлечь Стивенса в своё расследование. Он объясняет, что в данной ситуации речь идёт о предательстве интересов Великобритании; что наступило время, когда люди чести и благородства становятся марионетками новых ушлых негодяев-нацистов; что Стивенс, в конце концов, будучи невольным свидетелем исторического события, должен испытывать простое любопытство.

Однако ни один из аргументов не вызывает у Стивенса ни чувства тревоги, ни интереса, ни чувства долга... Блестяще справившись с организацией приёма, дворецкий мысленно так ничего и не вынес для себя из встречи политических титанов.

Анализ примеров показывает, что временное и пространственное соотношение между чувством и мыслью зависит от духовных характеристик автора внутреннего монолога. Свободный от коммуникативной ситуации, в разговоре с самим собой, человек находит формулировку мысли тем быстрее, чем устойчивее его система ценностей.

Налицо также сенсуативная обусловленность глубокого и поверхностного характера мысли. Сильное чувство предшествует глубокому открытию. Слабые эмоции влекут за собой предвосхищаемую мысль, не отличающуюся большой новизной. Будь оно сильным или слабым, чувство неотделимо от мысли.

Недаром английский глагол *to sense* означает одновременно *чувствовать* и *понимать*. И существительное *sense* имеет два значения – *чувство* и *мысль*. Эти значения кажутся нам противоположными только на первый взгляд. Даже наивному лингвисту без консультаций у искушённых филологов ясно, что чувствовать и думать – это одно и то же.

Личностные переживания глубоко проникают в суть явлений окружающего мира, порождая тем самым действенность мышления. Они также способны наделять действительность потенциально возможными чертами, изначально ей не присущими. Переживания у человека возникают только по отношению к живой стороне мироздания в условиях коммуникативной незакреплённости. Свободное самооткровение познающего человека делает диалогичность с отрывающимся ему фрагментом бытия возможной.

Подводя итог, отметим, что мысль и чувство являются сопряжёнными категориями. Анализ внутренних монологов персонажей позволяет заметить, что описание мысли следует вскоре за описанием чувства. Данная систематическая картина позволяет сделать вывод, что в основе порождающего механизма мышления лежит энергия чувства. Характер чувств и мыслей зависит от самобытности человека.

Список источников

1. Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. С. 7-10.
2. Гор В. П. Динамика образа личности в ментальном пространстве говорящего (на материале грамматических конструкций со значением сравнения в английском языке): автореф: дисс ... к. филол. н. СПб., 2009. 23 с.
3. Козлова Я. Ю. Вербальные и невербальные средства создания эмоционального портрета политика (на примере Б. Обамы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 115-120.
4. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, 2012. 320 с.
5. Поспелова А. Г., Александрова Ю. О. Две ступени усиления коммуникативного намерения эмотивных высказываний в русском тексте и его переводе на английский // Университетское переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. Вып. 1. С. 156-163.
6. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1987. 590 с.
7. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
8. Ishiguro K. Never Let Me Go. L.: Faber and Faber, 2006. 282 p.
9. Ishiguro K. The Remains of the Day. L.: Faber and Faber, 2005. 258 p.

THOUGHT AND FEELING IN MONOLOGIC DESCRIPTION

Pilatova Valentina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
pilatova_vn@mail.ru

The article is devoted to the question of the conjugation of thought and feeling. By the example of explicitly expressed monologic descriptions of the process of thinking, the mechanism that generates it is revealed. It is concluded that feeling is the basis of the mechanism of thinking. The arsenal of feelings of a person determines largely the course of his/her thoughts. The temporal and spatial relationship between feeling and thought is studied, as well as the sensational conditioning of deep and superficial nature of thought. A remark is made that the source of understanding of the person's thinking activities is the recognition of his/her feelings.

Key words and phrases: conjugation of thought and feeling; generating mechanism of thinking; temporal and spatial relationship between feeling and thought; sensational conditioning of deep and superficial nature of thought; role of identity in feelings emergence and thoughts formation.